

аобвиняли в неправомерности «громкого» зикра и в преобладании в традиции йасавийа наследного шейхства. Более того, начиная с хваджи Убайд Аллаха Ахрара, унакшбандииувеличивается число сторонников и проследживается тенденция к «отвоеванию» их у других тарикатов. Если йасавийа с XVI в., ищет общие корни с накшбандийа и стремится к диалогу и «спокойствию», то о накшбандии говорят как об ордене, «относящемся крайне ревниво к людям» (т.е. жаждущим приобретать и удерживать адептов). Суфийская община, не столь агрессивная, находилась в невыгодном для конкуренции положении [5, с. 234].

Причины победы накшбандии и исчезновения йасавии требуют дальнейшего исследования. Возможно, появление йасавии и его первоначальную популярность в Волго-Уральском регионе можно объяснить и тем, что йасавийа имела большое преимущество перед остальными в сфере религиозной практики. И именно это способствовало широкой исламизации населения в бассейне Волги и Урала. И, возможно, вполне закономерными стали упадок йасавии и возвышение накшбандии среди тюрок-мусульман, когда важным стало не распространение, а сохранение ислама в «чистом» виде.

Литература

1. *Амирханов Р.М.* Татарская социально-философская мысль Средневековья (XIII – середина XVI в.). – Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 1993.
2. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие. – Казань, 2010.
3. *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история; пер. с англ. М.Г. Романов. – СПб: Диля, 2004.
4. *Марджани Ш.* Мустафад-л-ахбар фи ахвал Казан вэ Болгар. – Казань: Татар китап нашрияты, 1989.
5. Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998) / сост. и отв. ред. А.А. Хисматуллин. – СПб., 2001.
6. Суфийские братства на территории исторического Башкортостана // Ватандаш. – 2008. – № 7.
7. *Фэхретдинов Р.* Болгар вэ Казан тореклэре. – Казань, 2002.

Поступила в редакцию 12 февраля 2013 г.

ИСЛАМ В ДАГЕСТАНЕ

УДК 94(470.67) «193»:[37–029:28]

И.Х. Сулаев

Государственная политика в Дагестане в области мусульманского образования (первая треть XX в.). Историко-правовой аспект

Дагестанский государственный университет; www.sigab.ru@yandex.ru

Статья посвящена расширению сети мусульманских школ и специфике их работы в Дагестане в рамках государственной политики в первой трети XX в. Освещаются наиболее важные постановления по исламу советских и партийных органов власти.

Ключевые слова: *мусульманские школы, мектебы, медресе, муталимы, мударрисы.*

The article is about the expansion of the network of Islamic schools and the specifics of their work in Dagestan in the frame of public policy in the first third of the 20th century. The most important rulings on the Islamic sphere, made by the government and the Party authorities, are presented.

Keywords: *Islamic schools, maktabas, madrasas, mutalims, mudarrises.*

Многовековое распространение влияния ислама и проникновение его во все сферы жизнедеятельности дагестанского общества в целом и каждой общины в отдельности обусловили широкое развитие системы мусульманского образования в Дагестане. Главными звеньями мусульманской системы образования были начальные школы – мектебы и средние и высшие учебные заведения – медресе. На начальном этапе образования в мектебах обучались основам религии, грамоте, чтению Корана, получали элементарные сведения из естественных наук. Более же высокая степень образования в медресе предполагала углубленное изучение мусульманского богословия и права.

Примечательные школы – мектебы – открывались в любое время года по усмотрению муллы. Как было замечено известным кавказоведом второй половины XIX в. П.К. Усларом, в Дагестанской области не было почти ни одного селения, в котором при мечети у кадия или муллы не обучались бы арабскому языку от 3 до 15 учащихся [17, с. 3–4]. Ученики-муталимы нередко переходили от одного учителя-мударриса к другому, пользовавшемуся большей известностью или имевшему большую ученость [7, с. 116–117]. Каждый учитель-мударрис обучал своих учеников-муталимов исходя из степени своей подготовленности и компетентности в разных отраслях богословия, естествознания или гуманитарных знаний. В Дагестанской области в начале XX в. царское правительство никаких критериев оценки знаний и уровня подготовленности для учителей мусульманских

школ так и не установило. В других мусульманских регионах империи, где функционировали Духовные правления мусульман, требования к преподавателям-мударрисам были более высокими, т. к. они регулировали образовательный процесс.

Сохранившиеся статистические данные дают нам возможность проследить рост в Дагестане числа мусульманских школ. Например, если в 1913 г. в Дагестанской области действовали 700 мектебов и медресе [9, с. 59], то в следующем, 1914 г. их число увеличилось до 860 [3, с. 58]. По более поздним официальным данным советских чиновников, до революции 1917 г. в Дагестане существовало около двух тысяч мусульманских школ при мечетях с количеством учащихся до 40 тысяч [15, л. 17].

Количество мусульманских школ в Дагестанской области (с 13 ноября 1920 г. – Дагестанская АССР) стало заметно увеличиваться после Февральской и Октябрьской революций. Можно назвать несколько причин этого роста: 1) активная деятельность духовенства, направленная на расширение сети мусульманских школ, т. к. преподавание приносило неплохие доходы их организаторам; 2) демократическая политика органа Временного правительства в Дагестанской области – Областного исполнительного комитета и возникшего в мае 1918 г. Горского правительства в образовательном пространстве, учитывающая потребности и менталитет мусульманского населения; 3) относительно терпимая политика молодой Советской власти к исламу и мусульманскому образованию в начале 1920-х гг., т. к. ислам рассматривался руководством большевистской партии как гонимая и преследуемая царским правительством религия, соответственно временный союзник.

В 1918–1919 гг. Горское правительство выступало за расширение и улучшение как светского, так и мусульманского образования, а при Главном шариатском правлении правительства создало специальный отдел медресе, вакфов и завещаний [21, л. 12]. Возникшие легально в разных округах Дагестанской области Советы алимов и созываемые ими маджлисы (съезды) добивались у властей открытия новых школ. Так, состоявшийся 20 июля 1917 г. в Темир-Хан-Шуре съезд алимов Дагестана принял решение об открытии высшего духовного училища-медресе в Темир-Хан-Шуре и в 9 окружных центрах [20, л. 2]. Съезд поручил специально выбранным алимам составить новые учебные программы для мусульманских школ и постановил использовать часть поступлений от закята и вакфов на нужды образования [18, л. 46]. При этом споры среди алимов разгорелись по вопросу о том, на каком языке обучать детей. Одни требовали оставить арабский, другие предлагали перейти на тюркский язык. Этот вопрос на протяжении десяти лет не смогло решить и руководство ДАССР.

Октябрьская революция и приход к власти большевиков внесли большие изменения в законодательную базу религиозного образования в Советской России. Декрет Советской власти, отделивший церковь от государства и школу от церкви (20 января 1918 г.), исключал возможность организованного преподавания религиозных вероучений во всех государственных, общественных и иных образовательных учебных заведениях [5, с. 371–373]. На заседании Государственной комиссии по народному образованию 26 сентября 1918 г. было установлено, что мусульманской школе требуется привести программы и методы преподавания в соответствие с идеологической концепцией большевиков: единой трудовой школой.

До укрепления позиций советской власти руководители советского государства пытались учитывать национально-религиозные особенности регионов бывшей империи. Начиная с 1918–1919 гг., среди центральных ведомств РСФСР по вопросу о предоставлении возможности преподавания основ мусульманского вероучения детям и подросткам постоянно возникали разногласия. Несмотря на отсутствие согласованной линии центральных ведомств по этому вопросу, прагматические интересы большой политики требовали от власти серьёзных уступок в осуществлении вероисповедной политики по отношению к нерусским народам [4, с. 211–212].

Советское государство было вынуждено учитывать национально-религиозные особенности мусульман России и в трудные годы гражданской войны и начального периода НЭПа. Это было отражено в ряде решений официального уровня. Принятый на Малой коллегии Наркомнаца РСФСР 6 декабря 1922 г. циркуляр № 65 по вопросу преподавания вероучения в мусульманских школах запретил репрессии в отношении мусульманского духовенства за проповедь ислама и обучение догматам мусульманского вероучения в мечетях и на дому. Богословские школы, содержащиеся за счёт добровольных пожертвований частных лиц, не могли быть закрыты, но преподавание догматов ислама в советских и в частных школах, где изучали общеобразовательные предметы, не допускалось [22, с. 90].

Свою позицию в этом вопросе выразила и Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б), которая 21 августа 1923 г. (протокол № 34) признавала возможным преподавание мусульманского вероучения в мечетях детям, окончившим советскую школу I ступени [14, л. 61]. В какой-то степени центральные партийные органы старались учитывать местные особенности и прислушивались к голосу руководителей национальных республик. 1 июля 1923 г. Антирелигиозная комиссия ЦК РКП(б) (протокол № 29) по ходатайству Дагестанского центрального исполнительного комитета (ЦИК) разрешила представителям духовенства работать в советских школах ещё один год [14, л. 31–32].

Уступки нерусским народам в вопросах религиозного образования со стороны центральных ведомств делались тогда, когда они получали санкции у высшего политического руководства СССР – Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП(б). Так, своим постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 14 февраля 1924 г. разрешило «в некоторых частях СССР организацию мусульманских духовных школ» [12, л. 5]. Получив санкцию Политбюро ЦК РКП (б), Президиум ВЦИК, например, разрешил 28 июля 1924 г. преподавание мусульманского вероучения народам нетюркского происхождения, следующим мусульманскому вероучению [2, л. 97]. Учитывая специфику местных условий, советская власть в Дагестане разрешила изучать Коран в советских школах до 1925 г., а попытки путём административного вмешательства запретить обучение детей мусульманскому вероучению решительно пресекались партийными и советскими органами [10, с. 191].

Руководство ДАССР до второй половины 1920-х гг. добивалось у федерального центра учёта местных условий в религиозных вопросах и в то же время старалось принимать решения, не противоречащие постановлениям вышестоящих органов власти. Так, в ноябре 1925 г. ЦИК ДАССР принял Инструкцию о порядке регулирования преподавания мусульманского вероучения в республике, которая исходила из постановлений Президиума ВЦИК от 9 июня и 28 июля 1924 г. Согласно этой инструкции, было разрешено преподавание мусульманского вероучения в мечетях 12-летним детям, а мектебы и медресе подлежали обязательной регистрации в окружных отделах народного образования (ОНО) [19, л. 98].

26 октября 1926 г. Бюро Дагобкома ВКП(б), согласовав вопрос регулирования преподавания мусульманского вероучения в республике с федеральными Наркомпросом и НКВД, утвердило специальную инструкцию. Согласно инструкции, Наркомфину республики поручалось распространить налог на учителей-мударрисов как на лиц, занимающихся свободной профессией, а для «проработки вопроса об отделении церкви от государства» создавалась комиссия в составе первых лиц республики Дж.Коркмасова, Д. Атаева, М. Далгата, А. Тахо-Годи [6, с. 192]. В ДАССР эта инструкция, как и некоторые другие советские законы, не была реализована до конца 30-х гг.

Несмотря на ограничительные меры властей, рост количества мусульманских школ до 1926 г. становится общей тенденцией для страны в целом. По некоторым данным, только с 1924 по 1926 г. в СССР были открыты 923 новые мусульманские школы с контингентом около 20 тыс. муталимов [8, с. 62]. Комиссия ЦК ВКП(б), работавшая в Дагестане в 1927 г. под руководством инспектора Синельникова, отметила, что в Дагестане всё ещё преобладают примечетские школы и количество учащихся в них

значительно превышает количество учащихся в советских школах [16, с. 42–43].

Вопрос допущения деятельности религиозных школ в СССР оставался в поле зрения Политбюро и Оргбюро ЦК ВКП(б) и во второй половине 20-х гг. Так, Оргбюро ЦК ВКП(б) в январе 1927 года приняло постановление, допускавшее «в автономных областях и республиках РСФСР с тюркско-татарским населением преподавание вероучения лицам, достигшим 14-летнего возраста, имеющим при этом свидетельство об окончании не менее чем двух групп 1-й ступени Единой трудовой школы (ЕТШ), и не иначе, как при условии их добровольного согласия обучаться вероучению» [14, л. 61]. Для всех автономных республик, областей и губерний РСФСР устанавливался одинаковый тип инструкции о преподавании мусульманского вероучения. Местным парторганизациям предложили учитывать местные особенности таких, например, областей, как Северный Кавказ. Этот же вопрос 18 августа 1927 г. вынесло на обсуждение Политбюро ЦК ВКП(б), настоявшее на разработке инструкции для религиозных школ всех вероисповеданий, указав местным организациям, что основой борьбы против мусульманского движения должен быть ряд культурных мероприятий по улучшению советских школ. Существующий закон подлежал изменению в соответствии с директивой ЦК [13, л. 4].

Вышеприведённые документы Политбюро ЦК ВКП(б) свидетельствуют о желании высшего политического руководства страны установить в конце 20-х годов полный контроль за духовной жизнью мусульман в связи с начавшимися крупными общесоюзными программами – коллективизацией, индустриализацией и культурной революцией.

Религиозные школы в республике начали закрываться после выхода постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г., запретившего преподавание каких бы то ни было религиозных вероучений не только в государственных и общественных учебных и воспитательных заведениях, но и в частных [1, с. 5]. Опубликованный 18 июня 1929 г. указ ВЦИК о запрете преподавания мусульманского вероучения окончательно развязал руки партийным и советским чиновникам, ускорив закрытие мусульманских школ по всей стране [11, с. 192]. В массовом порядке стали закрываться мектебы и медресе, хотя некоторые дагестанские общества тому сопротивлялись.

Сокращению мусульманских школ по Дагестану, а потом их закрытию в 1930-е гг., несомненно, способствовали жёсткие антирелигиозные меры советского государства, такие, как отчуждение вакфного имущества в пользу советских школ и кресткомов, и репрессивные меры против духовных лиц и организаторов школ.